

ББК
63
К630

Т. С. Комарова

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ

ВОСПОМИНАНИЯ, МЕМУАРЫ

Т. С. Комарова

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ

ВОСПОМИНАНИЯ, МЕМУАРЫ

Красноярск, 2021

УДК 94(571.51)
ББК 63.3(2Рос-4Крн)
К63

*При составлении книги использованы фотографии из фондов
Красноярского краевого краеведческого музея*

Комарова Т. С.

К63 **Гражданская война в Енисейской губернии. Воспоминания, мемуары** / Т. С. Комарова. — Красноярск: КАСС, 2021. — 492 с.

ISBN 978-5-6045145-8-0

Рецензент: **Д. Г. Симонов**, кандидат исторических наук, профессор Академии военных наук, директор Государственного архива Новосибирской области.

Тема Гражданской войны, общенациональной российской трагедии, по-прежнему оставляет многочисленные «белые пятна» в истории, хотя исследователям известна общая хронология событий. Сборник «Гражданская война в Енисейской губернии», составленный на материалах фондов Красноярского краевого краеведческого музея, впервые вводит в научный оборот воспоминания участников партизанского движения и мирных жителей, представив обширную картину того, что происходило в судьбоносные годы российской истории. Сборник состоит из двух частей. Первая часть включает дневники с воспоминаниями непосредственных участников войны, которые были записаны в 1930-х годах заведующей отделом революции Приенисейского (затем Красноярского) музея А. К. Фелеловой. Эти свидетельства бывших повстанцев (документам около 90 лет) уникальны тем, что записывались спустя небольшой промежуток времени после окончания войны и у людей еще сохранилась память о многих событиях, часто с эмоциональными ощущениями. Дневники состоят преимущественно из воспоминаний рядовых партизан, а это довольно редкий источник. Самое главное — эти материалы никогда не подвергались идеологической цензуре.

Вторая часть сборника состоит преимущественно также из неопубликованных документов периода Гражданской войны: воспоминаний подпольщиков и партизан, которые только дополняют друг друга. Сейчас многие исследователи считают, что историография Гражданской войны возможна только на основе изучения локальных событий: партизанское движение на разных территориях имело свои особенности.

Представленный сборник уникальных, никогда ранее не опубликованных воспоминаний и мемуаров позволит познакомить широкий круг любителей истории края с архивными документами и сведениями, исследованиями самого автора о разных участниках и деятелях времен Гражданской войны, имеющих прямое и непосредственное отношение к жизни и историческому развитию нашего края.

Издание осуществляется
при поддержке
государственной
грантовой программы
Красноярского края

554691

ISBN 978-5-6045145-8-0

© Комарова Т. С., 2021
© Красноярский краевой краеведческий музей, 2021
© Оформление. ООО «КАСС», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

«Россия, Русь! Храни себя, храни»	3
«Как много я прошла? И много ли осталось?»	18

ЧАСТЬ I.

ДНЕВНИКИ А. К. ФЕФЕЛОВОЙ С ЗАПИСЯМИ ВОСПОМИНАНИЙ УЧАСТНИКОВ И СВИДЕТЕЛЕЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ

Восстание в военном городке 29 июля 1919 года.	
Свидетельства очевидцев расправ с восставшими	36
Северо-Канский партизанский фронт	42
Тасеевский (Северо-Канский) фронт	45
Шиткинский фронт	64
Северо-Канский партизанский фронт	65
Северо-Ачинский партизанский фронт	77
Партизанская армия Степного Баджея (Южно-Канский фронт)	79
Партизанский фронт Степного Баджея	81
Воспоминания партизана Манского полка Степно-Баджейской партизанской армии Костюченко Ефима	95
Партизанская армия А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина	101
Воспоминания участников партизанского соединения А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина	125
Воспоминания партизан и сельских жителей д. Курбатовой. Гибель Н. М. Копылова	149
Манские записи	152
Минусинское крестьянское восстание	155
Воспоминания партизан Северо-Ачинского фронта и участников Минусинского крестьянского восстания	157
Воспоминания участников Минусинского крестьянского движения. Воспоминания партизан	174
Минусинское крестьянское восстание	190
Примечания к дневникам	204

ЧАСТЬ II.

ВОСПОМИНАНИЯ ПОДПОЛЬЩИКОВ И ПАРТИЗАН ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ

Воспоминания Масленкина-Непомнящего Артемия Сергеевича «Этих дней не смолкнет слава»	226
Воспоминания красногвардейца Костенко Петра Ивановича, участника военных действий на Мариинском фронте	234
Воспоминания участника революционных событий 1917—1918 годов в городе Канске и уезде С. Г. Синицина	241
Из воспоминаний Александра Александровича Позднякова	245
Воспоминания Печерской Е. К., участницы событий 1918 года	258
Письмо Э. Я. Шульца в редакцию газеты «Дело рабочего»	261
Воспоминания Сидорова Владимира Корниловича «В борьбе за власть Советов»	264
Залукаев Прохор Александрович. Воспоминания о революционных годах. 1917—1918 гг.	272
Воспоминания Гендлина Александра Сергеевича «1918 и 1919 гг. в Красноярске»	275

Воспоминания Молчанова Николая Харитоновича «В Красноярском подполье. Что осталось в памяти. 1918—1919 гг.»	281
Минусинское крестьянское восстание	293
Жизнь и борьба рабочих бывшего Знаменского стекольного завода Красноярского округа. Казнь 13-ти (из воспоминаний одного из 13 подпольщиков, оставшихся после казни в живых, Гурского Флориана Павловича)	297
А. Полетаев. Воспоминания о карательной экспедиции белых в июне 1919 года «Забытая могила»	306
Воспоминания бывшего красногвардейца Подъяпольского Дмитрия Григорьевича	307
Иванов Павел Степанович. Краткие воспоминания пройденного пути в жизни	310
Перова Татьяна Евстратовна. Партизаны Канско-Красноярского и Минусинского фронтов (краткие воспоминания)	315
Воспоминания врача Вологодского Семена Георгиевича	356
Воспоминания Иванова Арсения Трофимовича «О партизанском движении 1918—1919 годов»	357
Воспоминания Савицкого Михаила Тимофеевича — командира партизанского отряда	382
Из воспоминаний Солодилова Василия Алексеевича	402
Четыре месяца в плену у красных банд Енисейской губернии. Воспоминания неизвестного автора	405
Примечания к воспоминаниям	412
ПРИЛОЖЕНИЯ 433

«РОССИЯ, РУСЬ! ХРАНИ СЕБЯ, ХРАНИ!»*

На протяжении многих лет XX века существовала великая страница в истории России — победоносная Гражданская война красных. С начала 1990-х годов начался «реванш» (этот термин упомянул более 10 лет назад обозреватель журнала «Родина» Лев Александрович Аннинский. — Т. К.) Белого движения с перезахоронениями и прославлениями героев-мучеников. Очередной перекося в нашей беспокойной истории. Писать надо и о красных, и о белых, в гражданских войнах героев не бывает, но смещаются акценты. Только одному Ледяному походу белых в последние годы посвящено несколько книг, нередко с повторами и заимствованиями. И все больше вины вменяется красным, все большая ответственность возлагается на большевиков. По замечанию историка Леонида Млечина, если раньше ставили памятник человеку с ружьем лишь в красноармейской форме, то «теперь в разномастных мундирах Белой армии»^{**}. Все чаще термин «революция» подменяется синонимом «смута» или «мятеж», а руководители подполья или партизанских отрядов именуются «вожаками». Революция — это эпохальное, глобальное событие, кардинально поменявшее общественную систему государства, это невероятный поворот в истории страны, чудовищный братоубийственный конфликт. По словам Ф.М. Достоевского, «болезненное состояние национального организма». «Смута», «мятеж» — все же ближе к дворцовому перевороту или к локальному выступлению на определенной территории. А тут вся страна полыхнула, да еще и соседей встряхнула, втянув в противостояние чуть не полмира. Термин «смута» любила белая эмиграция: «Пройдет пора кровавых смут», «В годины неслыханной смуты». Русский язык разнообразен, но что меняет перемена устоявшихся названий? В России шло величайшее противостояние — братоубийственная война людей, готовность чинить расправу,

не задумываясь об аморальности происходящего, обоюдная ненависть, нарушение всех нравственных начал и, самое чудовищное, неискупимость жертвоприношений с обеих сторон. Россия всегда воевала расточительно.

Победы и поражения, героизм и предательство — составные части любой войны. Русская трагедия заключалась в катастрофе населения на огромной территории. Пожалуй, другой такой по длительности, жестокости и истреблению в мире и не было. Человеческая жизнь граждан одной страны и часто одной веры ни во что не ставилась — «накидали, как дров». Братоубийство привело к расколу в стране, расколу в семье. Роднило тех и других лишь одно — Отечество было общее. Еще задолго до трагических событий предчувствие будущей драмы ощущалось многими людьми. Задолго до 1917 года Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой и другие пророчили возмездие дворянскому сословию за вековое рабство своего народа. Равенства в этом мире нет и никогда не будет. Но как могло самодержавие и русское образованное дворянство (а потомственное дворянство составляло в России лишь около одного процента населения) держать веками миллионы людей под неконтролируемой, абсолютно полной властью, с каменным равнодушием относясь к своим поданным и холопам? Исключения были редки. Как выразился писатель Юрий Нагибин: «Единственное право русского населения — это крепостное право». Деспотия, тирания, попрание чести и достоинства — сколько поколений пережили это... Все накопившиеся в России противоречия выплеснулись разом, и рвануло в 1917 году.

Недавно в России была издана книга воспоминаний княгини В. Д. Лобановой-Ростовской «О русской трагедии XX века: до и после 1917 года». Автору статьи запомнился разговор ее матери, Ольги Александровны

* Цитата из стихотворения «Видения на холме» Н. Рубцова.

** Млечин Л. Россия против России // Аргументы недели. 2018. № 38. 27 сент.

Леонтович (урожд. Калиновской), представительницы старинного дворянского рода, со своими внуками: *«Память о многом ужасном, несправедливом и страшном оставила в душе народа непреодолимое чувство мести. У лучших из них всегда бессознательно шевелилось чувство в душе: „Хоть бы немного господ пожили в нашей коже...” Это чувство не изжито, оно сильно и поныне... Я чувствую, что пришло время расплаты, и народ не успокоится, пока не упьется мстью за прошлое... Прислуга была — вещь, предмет; ей отдавали приказание в пространство; в лучших домах прислуга спала на ларе в передней, на подстилке за дверью, на сундуке в гардеробной. Розги были обыкновенным наказанием... Да разве мы можем сказать, смотря внутрь совести своей, что мы не стоим этого наказания и урока?»**

Кто мог поверить, что в начале XX века сермяжная Россия сметет существующую власть, и наступят «неслыханные перемены, неслыханные мятежи»? И предвестник был — Первая русская революция 1905—1907 годов. Не вняли. *«Было бы легко судить-рядить, если бы воевала правда с кривдой. А дело в том, что воевали две правды. Одна правда та, что утверждали люди, которые тоже были честными, любили Родину, Россию, любили свою страну. Это наши белогвардейцы. А другая правда — правда тех, кто хотел жить по-человечески, без угнетения. Они хотели найти в этой жизни что-то такое, что создавало бы им человеческие условия существования. И поле брани было усеяно костями самых честных людей, которые отстаивали до конца, до самой смерти, свою правду. И судить о том, кто из них больше прав, невозможно. Это была трагедия России, и эти люди, каждый по-своему, отстаивали правду и считали, что их правда самая истинная».* Эти слова принадлежат известному русскому писателю — эмигранту М. А. Осоргину (Ильину) (1878—1942), потомку старинного русского дворянского рода, уехавшему из России в 1922 году. Генерал-лейтенант царской армии В. И. Селивачев заносил 26 июня 1905 года в свой дневник наблюдения, связанные с событиями Первой русской революции: *«Ужасные вещи творятся на Черном море — бушует и волнуется народная масса, просит она жизни осмысленной, а не безответно дикой. Но вот вопрос — будет ли она в состоянии справиться со своими задачами?»* Уже в чине генерал-майора Селивачев подаст прошение

об увольнении, не желая участвовать в братоубийстве Гражданской войны**. Возмездие и справедливость — так можно определить два основных морально-нравственных фактора российской революции, двигавших теми, кого называли красными.

У любой войны поводы разные, но все они преступны и разрушительны. Одна из основных причин Гражданской войны в России — Первая мировая война, главный перелом в ее судьбе. Патриотизм, возникший было на первых порах, быстро угас. Доля крестьян в армии превышала 66 процентов. За что воевали с «германцем», не все понимали. Февральская революция произошла внезапно, радовались, что царя убрали. Временное правительство, «живой труп» по отзывам современников, задержалось недолго — восемь месяцев мало что изменило. Экономическое и политическое положение страны желало оставлять лучшего, партии перессорились. На фронтах хронически не хватало оружия, а перед войной русское правительство продавало его Сербии, Болгарии, Монголии. Медь покупали за границей, большую часть пулеметов — в Англии и США, нехватка патронов достигала в армии до двух миллиардов штук***. В который раз Россия «обувалась» на ходу.

Через несколько месяцев после Февральской революции известный красноярский эсер Евгений Евгеньевич Колосов, заочно избранный в Учредительное собрание, приехал в Кронштадт в качестве комиссара нового правительства, но большевистской организацией «принят» не был. Отправился на воинские культурно-просветительские курсы в распоряжение 5-й армии в качестве лектора. 6 октября 1917 года он писал жене В. П. Колосовой: *«...Сейчас у нас тихо. Немцы вообще не склонны на нашем фронте к военным действиям... Оставшиеся усиленно вызывают русских солдат к братанию. Несомненно, что у них дело плохо, продовольствия нет, голод, но в серьезность настоящего революционного движения в Германии я, по-прежнему, не верю... На нашем фронте, однако, тоже очень плохо. Солдаты не желают ничего слушать, кроме мира. Какого угодно — сепаратного, на счет России, с контрибуциями (соглашаются: „по двести рублей на брата“), но только мира. Временное правительство Керенского, всякие коалиции ругают по-матерному. К партиям благоволят, постольку-поскольку они им потакают, поэтому по-*

* Лобанова-Ростовская В. Д. О российской трагедии XX века: до и после 1917 года. Кн. 2. М., 2018. С. 53—56.

** Чельшев Е. П. Как это было и как это есть. Мысли о русской эмиграции и воспоминания о первом конгрессе соотечественников (запись беседы с М. Осоргиным) // Трибуна русской мысли. Журнал православной интеллигенции. Русское зарубежье. М., 1909. № 11. С. 105; Экштут С. «Так мало людей, душою и сердцем преданных своему делу!». Драма русского генерала Владимира Селивачева // Родина. 2000. № 4. Апр. С. 123.

*** Усачев А. Н. Особенности производства и снабжения стрелковым оружием в России в годы Первой мировой войны как фактор, формирующий специфику военных действий Гражданской войны. 1917 год. Чичеринские чтения «Революционный 1917 год: поиск парадигм общественно-политического развития мира»: материалы международной конференции. Тамбов, 2018. С. 225—226.

пулярны только большевики. Эсеры, правда, продолжают вывозить „Земля и воля“ (авторитет бывшей народнической организации. — Т. К.), но в серой солдатской массе побеждает бессознательный большевизм. Вот сейчас Тарутинский полк окопался от своих, выставил 20 пулеметов и никого к себе не подпускает, а офицеры — избил. И это всюду так. Воевать с такой армией нельзя... В роте солдаты никого не слушают, могут избить прикладом... Такова русская армия. У меня надежда, и то слабая, на одно: быть может, Учред(ительное) соб(рание) возьмет всю власть в свои руки, введет в рамки Советы, которые приносят массу зла, и организует тыл, создав национальный подъем хотя бы в форме широкой пропаганды добровольческих полков. Вне этого для нас нет спасения»*.

Любопытно отметить, что эсеры мало верили в причастность В. И. Ленина к шпионажу. Тот же Е. Е. Колосов писал жене 8 июля 1917 года: «Всюду здесь сенсации относительно Ленина и К^о. Мало верится, что Ленин виновен, но репутация его безраздельно подмазана» (Временное правительство объявило В. И. Ленина немецким шпионом и потребовало его явки в суд. — Т. К.). А несколькими месяцами ранее, 27 июля, сообщал о своем тяжелом нравственном состоянии, наблюдая «драму русской государственности»: «Чувствую себя плохо, не физически, а морально. Питер удручает. Какая-то огромная говорильня, от которой нельзя добиться никакого толку. Буквально никакого толку. Савенков — военный министр! Вот положение. Я хочу уходить в отставку и, вероятно, уйду на этих днях. Он мой непосредственный начальник, и я хочу сказать ему прямо, что под его начальством я служить не могу. Я видел его. Он живет в Зимн(ем) дворце!! Несомненно оплел К(еренского), который, по-моему, плохо разбирается в людях. Вообще положение крайне тяжелое»**. Растерянность и анархия в стране и во власти — такова констатация Е. Е. Колосова.

Россия действовала на Восточноевропейском фронте длиной почти две тысячи километров, от Балтики до Черного моря, не считая Кавказского, еще более протяженного — самая длинная линия обороны. Русский солдат испытывал больше лишений, чем солдаты других армий, больше, чем другие, нес потери. После ряда поражений все внешние проявления фронтовой жизни обнажились и обострились до крайности. Смена начальников, казнокрадство, грязь, голод, боль, увечья, мордобой, дезертирство. Офицеры, боясь, отказывались от наложения дисциплинарных взысканий, солдаты отказывались выходить на пози-

ции или панически бежали. Россия начала терять свою армию еще до 1917 года, если не раньше. Оставались два выхода — поражение или мир.

Война — неестественное положение для любого человека, особенно для человека особой душевной организации. Приведем еще одно свидетельство, не дворянина, как Е. Е. Колосов, а разночинца, Некошного Константина Михайловича, сельского учителя, к военному делу не имевшего никакого отношения. Годами ему приходилось работать в сельских школах, в иных, бывало, ни учебников, ни парт. В 1916 году Некошный был мобилизован на военную службу. Интеллигентный человек, с поэтической душой, книгочей, хорошо знающий и любящий русскую литературу, он и на фронте не разлучался с книгой; тонкий наблюдатель всего происходящего, умеющий образно выразить свои чувства. Приводим отрывок из его последнего письма с фронта от 20 апреля 1917 года учительнице Красноярской женской гимназии М. В. Красноженовой, также характеризующий обстановку на фронте:

«...Разноцветный мост радуги перекинулся с одного конца неба на другой, переноса мысль в волшебную даль, в которой хотелось бы видеть таинственную страну сказочных грез — свободы, равенства и братства... (отречение Николая II. — Т. К.). Но — увы! Какие мы, сибиряки, идеалисты, мы не видали народа-раба, мы не знали его господина... Промелькнул лик златокудрой богини — Свободы, но она не пробудила во вчерашнем рабе и господине идеала равенства, наоборот, в них вспыхнул эгоизм, старая вражда, а иногда и месть. Не братство вижу я здесь... О, как хочется отсюда уехать в Сибирь, не знавшую рабства. Кое-что скажу о наших солдатских делах, в которых мне невольно приходится разбираться, как секретарю офицерского собрания и члену полкового комитета... Не было у нас манифестаций, не было восторженных криков: мы сидели по пояс в воде в окопах под непрерывным огнем, полуголодные, т. к., как теперь оказалось, продовольственное дело стояло на краю гибели...»

Дальше автор письма пишет, что вступил в спор со старыми офицерами, которые боялись, что у солдат после выхода Манифеста падет «дисциплина страха». Некошный с горячностью опроверг это суждение и только случайно избежал дуэли с командиром полка, а его роту отправили в карантин***. Другой человек, другой фронт, а мысли те же. А в любой войне решающее слово принадлежит солдату. Ничего не изменилось и после Манифеста. Разве что реже стали называть солдата хамом, чаще снисходительно — братцем.

* КККМ. О/ф 13233/5. Письмо Колосова Е. Е. жене В. П. Колосовой. Л. 2—3.

** КККМ. О/ф 13233/1, л. 1. О/ф 13233/2, л. 1. Письма Колосова Е. Е. жене В. П. Колосовой.

*** КККМ. О/ф 13374/45, л. 1—2. Письмо Некошного К. М. Красноженовой М. В.